

Объяснительная записка Анны Калинкиной

Во «Вселенной Метро 2033» Питеру повезло едва ли меньше, чем Москве. Его первым описал Владимир Березин в романе «Путевые знаки», открывающем серию, и другие авторы двинулись по его стопам. Городу на Неве посвящали романы Шимун Врочек и Андрей Дьяков, неизменно получавшие призовые места во время выборов лучшей книги года. Они населили питерскую подземку харизматичными героями — тут и мужественный Таран, и неподражаемый Иван Меркулов, и неистовый Убер. Константин Бенев и Ирина Баранова внесли свой вклад, обогатив серию образом Алекса Грина, человека с необычными способностями. Дмитрий Ермаков также не обошел Питер вниманием, добавив своих колоритных персонажей — неунывающего сталкера Игната Псарева, прекрасную медсестру Алису Чайку, полковника Бодрова. Трудно вписываться в такой густонаселенный мир, однако Алексей Головенков рискнул. И не зря — пожалуй, в питерской подземке не хватало именно такого героя, какого вывел он в своем романе. Леонид по прозвищу Чита — так называемый книжный мальчик. Однообразие подземной жизни он скрашивает чтением, а о реальности знает не так уж много. Но не стоит недооценивать книжных мальчиков. История показывает, что именно они порой выдавали идеи и теории, способные глобально изменить картину мира. Кроме того, Чита вполне способен переходить от слов к действиям, когда это необходимо, и с оружием обращаться умеет.

Подобно тому, как Артем в московском метро проходит долгий путь, наблюдая, делая выводы и взрослея, так и Леонид со своим другом и с наставником вынужден однажды покинуть родную станцию, чтобы увидеть, что творится вокруг. И его ожидает немало открытий.

Заслуживает внимания и друг главного героя, Николай Штыков, мечтающий стать сталкером или, как говорят на Выборгской, диггером. И еще об одном персонаже хотелось бы упомянуть. Как известно, изображение братьев наших меньших очень оживляет действие. Это в полной мере относится к выведенному в романе псу Прометею, который получился необыкновенно трогательным.

Действие романа происходит ранней весной 2033 года. То есть раньше, чем во всех остальных романах о Питере, не считая «Путевых знаков». Война между Империей Веган, государством экологов с националистическим уклоном, и Приморским Альянсом, еще одной крупной группировкой питерского метро, еще только назревает. И автора это противостояние интересует скорее с точки зрения психолога. На примере одного из офицеров Империи Веган он показывает те черты «зеленых», за которые их ненавидят в остальном метро, органично дополняя общую картину, внося в нее свои краски.

Поклонникам серии вновь предоставляется возможность окунуться в знакомую атмосферу. Вернуться в Питер и оказаться на независимой станции Выборгская, где собираются отдать в жены офицеру «зеленых» дочь коменданта. Где травят свои байки челноки, мечтают о подвигах молодые дозорные, в то время как Империя Веган начинает готовиться к войне.

— Отгадай загадку. Что это?
Сначала ползешь, потом бежишь,
прыгаешь, стреляешь, весь в грязи,
обливаешься кровью и потом,
добываешь хабар, а потомдохнешь.

— Ну, ясно, что — это залаз!

— Нет, брат, залаз — это когда ползешь,
прыгаешь, стреляешь, весь в грязи, крови и
поту, берешь хабар и возвращаешься. А вот
когда в концедохнешь — это уже другое.

— И что же?

— Это, брат, жизнь!

Из диггерского фольклора.

ГЛАВА 1

ДОЗОР

— Чита, хорош глаза ломать, обход.

— Сейчас. — Леонид отодвинул масляную лампу, но так и не сумел оторваться от чтения.

— Ладно, я сам.

— Иду.

— Забей, я быстро. — Николай не дождался реакции и, заподозрив, что друг его не слушает, добавил. — Я до Площади и обратно.

— Ага, — невпопад согласился Чита.

— Хотя как получится — может, там жить останусь.

— Иду.

— Нет уж, — хохотнул Николай, — оставайся. Нашим скажешь, что я в диггеры ушел.

Он сплюнул, растер плевком ботинком и отошел от блокпоста. Замерев, некоторое время вглядывался в темный зев туннеля, вслушивался в его звенящую тишину. Затем едва заметно потянулся, разминая мышцы, перекатился с пятки на носок и обратно. Проверил ремень автомата — не болтается ли свободной петлей и не слишком ли крепко затянут, не будет ли мешать или сковывать движения. Коснулся налобного фонаря. Поправил крепление и пошел вглубь туннеля.

— Штык! Ты куда, блин?

Леонид с сожалением отложил книгу и, схватив вертикалку, догнал приятеля.

— Ты чего? — Настроившийся на туннель Штык смотрел на возникшего рядом друга рассеяно, словно бы и вовсе забыв, что на дежурство они заступали вдвоем. — Я сортир проверю — и обратно.

— Я с тобой.

— Забей.

— Ага, забью, ты уйдешь, а тут Дед нагрянет и вставит мне по самое не балуйся, что тебя одного отпустил.

Санитарный блок, расположенный метрах в ста от блокпоста, днем был настоящим подспорьем для жителей Выборгской. Недалеко от таможни, под платформой, располагалась маленькая ферма, в связи с чем санузел активно пользовались для поливки урожая. На ночь санитарный блок запирали на замок.

Ходили слухи, что раньше санузел не запирали даже ночью. Придут, например, челноки, и что с ними делать? На станцию пускать и коменданта разыскивать? А если комендант почивать изволит? В туннеле до утра держать тоже не дело. Челнок — птица гордая. Обматерит дежурных и вернется на развязку. На товары спрос везде есть, а Выборгская — станция бедная, челнок сюда целенаправленно не идет.

Вот и пускали дежурные торговый люд в санузел заночевать. С одной стороны, самим хлопот меньше — пост покидать не надо (народу на станции немного, каждая пара глаз, караулящая туннель ночью, на счету), начальство разыскивать да из кровати вытаскивать тоже необходимость отпадает. С другой стороны, такой порядок и челнокам по душе. За санитарным блоком ухаживали как следует, а возможности помыться с дороги в душевой челноки были только рады. Здесь же и спали. Помещение чистое, от станции недалеко, блокпост с охраной рядом.

Так и повелось до поры до времени. Пока однажды привычный порядок вещей не перевернулся с ног на голову по чьему-то недосмотру. С очередным торговым караваном на Выборгскую пробралось нечто, сумевшее не только не привлечь внимание таможенников, но и не вызвать подозрение у самих челноков.

Нечто перебило во сне десяток людей и покинуло санитарный блок так же незаметно, как и проникло в него. Лишь наутро женщины и молодежь, занятые на ферме, обнаружили то, что осталось от несчастных. На ферме в тот день не работали. Все жители Выборгской были заняты. Мужчины — поиском безжалостного и умелого потрошителя, женщины — отмыванием санузла. Санузел отмыли, а вот потрошителя так и не нашли.

После этого инцидента ночевки в санитарном помещении прекратились. Челноков туда не пускали, бродяг прогоняли. Дверь стали закрывать на замок, а дежурным вменили в обязанность прогулку от блокпоста до запертой двери санузла.

— Как думаешь, чего это крысы обезумели? — спросил Николай, пытаясь пнуть подвернувшегося под ноги грызуна. Крыса отбежала на некоторое расстояние, затем, передумав, развернулась и пошла в атаку на человека. Тот развеселился и топнул ногой. Зверек ретировался. — У нас еще ничего. На других станциях, говорят, совсем беда. Расплодились, агрессивные стали, людей не боятся.

— Сам что думаешь? — Чита пожал плечами.

— Не нравится мне то, что я надумал, вот тебя и спрашиваю, — Штык отошел от стены, вдоль которой они шли, и, остановившись посреди туннеля, направил ствол автомата в сторону узкого ответвления, затем кивнул напарнику — действуй.

— Что же ты надумал? — Леонид заглянул за угол. Не спеша, аккуратно. Как учил Дед. Чуть качнулся вперед и сразу назад, переждал три секунды и снова высунулся. Но уже приседая.

— Помнишь, Дед рассказывал, когда они на флоте в учениях участвовали, по их кораблю подлодка должна была отстреляться?

— Когда подводники накосячили, и торпеда не под килем прошла, а брюхо кораблю вспорола?

— Да. Дед говорил, они сообразили, что корабль тонет, только когда крысы в воду стали прыгать. Все, что были на корабле, повывезали изо всех щелей и сиганули в воду.

— Я читал про такое. Если крысы бегут с корабля, значит, замечают мелкие трещины и прочие признаки скорой гибели судна.

— Вот и я об этом, — Николай навис над присевшим товарищем, просканировал туннель стволом «Ублюдка», изготовленного умельцами с Техноложки, — если крысы бегут из метро, значит, чувствуют скорую гибель.

— Чью? — не понял Чита.

Штык помедлил с ответом, прошелся до двери санузла. Друг шел следом.

— Гибель метро. — Николай проверил замок, брякнув им о дверь, развернулся, встретившись взглядом с Леонидом. — Это все не вечно. Мы очень неплохо обустроились. Иногда слушаю рассказы Деда про то, как все случилось, и не верю. Кажется, всегда так было — метро наш дом, наша крепость, а поверхность никогда нам не принадлежала. Думаешь так, и все вроде бы нормально. А как вспомнишь, что было по-другому, что мы там жили, наверху, а не твари — тошно становится. Если мы так легко целый мир просрали, то и метро просрем.

По растерянному выражению лица Читы было понятно, что Штык застал его врасплох. И Леонид, способный заговорить зубы, ловко переключить внимание собеседника и незаметно сменить тему разговора, не нашелся что сказать.

— Движение в основном туннеле. Прошли к посту, — отчеканил Николай, поднимая автомат так, чтобы прицельная планка находилась на уровне глаз.

Чита развернулся на пятках и тут же присел, привалившись к стене. «Ублюдок» Штыка навис над его головой, готовый в любой момент осветить узкое ответвление туннеля вспышками выстрелов. Леонид словно бы прирос к стене. Упор на одно колено, второе служит опорой руке, на которой лежит цевье. Левое плечо — продолжение стены. Правое — продолжение приклада старенького «Фермера».

В книгах, которые читал Леонид, говорилось, что оружие должно быть продолжением руки. Дед Яков учил, что это человек должен быть продолжением оружия. В момент выстрела хороший стрелок перестает существовать. Его глаза становятся прорезью на прицельной планке, палец — частью спускового крючка, руки и плечи — неподвижными сошками.

Хороший стрелок, такой как Дед, поднимая оружие, не думает о том, что его могут убить. Он сосредоточен на дыхании и думает только о том, какую стоит взять поправку, если выстрел предстоит сделать на большом расстоянии, или о том, как избежать рикошета, если предстоит стрелять в упор, да еще и в туннеле.

Леонид был плохим стрелком. Он не умел отключаться от происходящего и концентрироваться на выстреле, как Дед. Пожалуй, если бы Якова укусила крыса, которая вцепилась в щиколотку Чите, он просто смахнул бы ее, а то и вовсе не заметил бы до тех пор, пока не оторвал бы взгляд от прицела.

Ощувив резкую боль в ноге от укуса, Леонид дернулся всем телом, рефлекторно вдавивая спусковой крючок. «Фермер» взбрыкнул коротким стволом, плюнув огнем и дробью. Черный силуэт в туннеле качнулся в такт выстрелу и исчез за углом.

— Твою мать, Чита! — Штык с размаху пнул виновницу происшествия, на этот раз удачно. — Охрана станции! Не стрелять!

Живой снаряд, издав пронзительный писк, пролетел по высокой дуге, ударился о стену и шмякнулся на пол.

Некоторое время ничего не происходило. Противник никак себя не проявлял, а охранники вглядывались в темноту. Затем из-за угла прилетела граната, которую вошедший в азарт Штык пнул еще сноровистее, чем крысу. Впрочем, противник кидал гранату с задержкой, так что та сработала, не успев отлететь далеко.

— Шоковая! — успел выкрикнуть Николай, зажмурившись. Белая вспышка обожгла глаза даже сквозь сомкнутые веки. Леонид, среагировавший на предупреждение, сумел сохранить ориентацию в пространстве. Вслепую нащупав спусковой крючок, он выстрелил в сторону противника, истратив второй заряд дроби. Штык не рискнул стрелять наугад, опасаясь рикошета.

В следующий момент их сбили с ног, отобрали оружие и принялись бить.

Чита, сгруппировавшись и прикрыв голову руками, подумал, что их бьют не зло — не торопясь, выбирая место для удара, и вроде как несерьезно. Значит, они никого не убили. Это хорошо, возможно, их оставят в живых.

Николай, скрючившись, защищая, в первую очередь, пах, тоже решил, что их бьют вполсилы. Скорее чтобы наказать, нежели чтобы расправиться. Похоже, друг промазал.

— Хватит. Поднять на ноги, оружие забрать, руки связать. — Человек, раздававший распоряжения, навис над дозорными высокой тенью.

Зрение у Штыка стало восстанавливаться, когда их с Читой доволокли до блокпоста. Бесплотные тени приобрели объем и резкость. Сейчас Николай уже мог разглядеть семерых бойцов, облюбовавших их таможду.

Рослые, широкоплечие, у всех одинаковая экипировка: черные форменные штаны, куртки из плотной ткани, высокие берцы. Поверх курток — бронежилеты и незаношенные, будто бы даже новенькие, разгрузки. На головах — шлемы. На лицах — черные маски с прорезями для рта и глаз.

По вооружению бойцов можно было понять, что они — не просто любители прошвырнуться по туннелям от станции до станции. И даже не наемники, сбившиеся в отряд по какой-либо надобности. Тех, даже если и нарядить их в одинаковую форму, выдаст привычка держаться независимо и обособленно.

На Выборгскую наведались профессионалы. Чужаки выглядели так, будто лишний раз и не почешутся, если на то не будет соответствующей команды. Прикрывали друг друга столь слаженно, будто были марионетками, управляемыми одним кукловодом.

Тот выделялся на фоне остальных облегченной экипировкой — отсутствием рюкзака за спиной, а также полупустой разгрузкой. И был на две головы выше подчиненных, будто бы и впрямь возвышался над ними, чтобы держать невидимые нити, потянув за которые, можно было привести в действие отлаженный боевой механизм из шести отлично подогнанных друг к другу шестеренок.

— Что делать будем? — подал голос оклемавшийся Леонид.

Один из бойцов, судя по порванной разгрузке — тот самый, которого они угостили дробью, склонился над ним и засунул ему в рот кусок ветоши. После этого толкнул ногой в плечо, отчего Леонид, который не мог опереться на руки, стянутые пластиковым

хомутом за спиной, опрокинулся на бок. Тогда Штык, собиравшийся было ответить другу, захлопнул рот и состроил придурковатую гримасу, по его мнению, отлично выражающую позицию «моя хата с краю».

Боец, уронивший Читу, оценивающе взглянул на Николая. Тот потупил взгляд и прикинулся сущим идиотом, разве что слюну не пустил. Не сработало. Рот ему затыкать не стали, но пинок в плечо и его опрокинул в неудобную позицию. Теперь обзор закрывали мешки с песком, используемые на таможне в качестве баррикады.

Ориентироваться в происходящем Штык мог только по звукам. Звуков же было не так уж много. Легкое шарканье ботинок по бетону, да слабые, явно наигранные постанывания Читы. Решив ничего не предпринимать, Николай закрыл глаза, давая им отдых.

Отряд явно не собирался сидеть в засаде, поджидая разводящих, и не планировал атаковать станцию. Чужаки дожидались, пока их обнаружит кто-нибудь из местных.

— Что здесь происходит? — Знакомый голос заставил Штыка встрепетаться. Леонид вмиг перестал стонать. — Яков Волков, заместитель начальника охраны.

— Вот и мне хотелось бы это знать. — Речь кукловода лилась, словно мед, тягучий и приторно-сладкий. — Почему нас обстреляли ваши люди? Сильно сомневаюсь, что это местный свадебный обычай.

— Так-с. — Голос Деда прозвучал резче, чем выстрел. — Николай, докладывай.

Успев смекнуть, кем являются чужаки, раз им известно про свадьбу, и с какой целью они прибыли на станцию, Штык поведал о случившемся, умолчав про инцидент с гранатой. Ни к чему лишние разборки, раз уж сами накосячили.

— Ваши паспорта? — обратился Дед к чужакам.

Несколько минут он потратил на изучение документов, затем удовлетворенно кивнул.

— Прошу прощения за оплошность таможенников. Я рад, что никто не пострадал. — Дед быстро скользнул взглядом по обездвиженным подчиненным. — Можем ли считать произошедшее недоразумением?

— Я не имею претензий, учитывая цель моего визита на Выборгскую, — произнес кукловод. — В иных обстоятельствах, например, будь мы в Империи, стоило бы устроить как минимум показательную порку. Но не будем омрачать торжество.

Леонида и Николая освободили, вернули им оружие. Яков, велел дожидаться его возвращения, увел чужаков на станцию. Перед уходом он напоказ отчитал подчиненных, назначив по наряду вне очереди.

— Угораздило же, — сокрушался Чита, массируя затекшие запястья.

Зрение у него не сильно пострадало. Он ловко ориентировался в потемках — нашел ведро с водой, разделся до пояса, умыл разбитые губы, принялся осматривать синяки и ссадины. Штык сидел, привалившись к мешкам с песком, все еще ожидая, пока перед глазами перестанут плясать белые пульсирующие пятна.

— Ты как, цел?

— Живы будем — не помрем. — Леонид открыл аптечку, которой полагалось быть на блокпосте, и которая, в теории, включала запас обезболивающих, жгутов, бинтов и стерильных повязок. На деле же в аптечке были лишь эластичные бинты, удобные в использовании из-за того, что их можно было стирать, и одинокий флакон спиртового раствора. Закатав прокушенную крысой штанину, дозорный промыл рану, бережно расходуя раствор, перевязал ногу эластичным бинтом.

— Ну и получим же мы от Деда.

— Так уже получили, — вздохнул Николай, — наряд вне очереди. Ты этого слышал? Будь мы в Империи, он бы нас выпорол!

— Не сомневаюсь. А мог бы что-нибудь и похлеще придумать. Фустуарий, например, устроить.

— Это что?

— В римском легионе — забивание камнями и палками. Полагалось за серьезное нарушение воинской дисциплины. А в Вегане, думаю, фустуарий и за меньшее устраивают. Вместо камней и палок, как я слышал, арматуру используют.

— Фашисты. — Штык сплюнул алую слюну и потрогал кончиком языка зубы, на которые пришлась пара ударов. Зубы не шатались. Все-таки веганцы били их не всерьез.

— В жестокости Веган упрекать не стоит, — продолжил Леонид, — меры наказания у них применимы только к рабам или к солдатам в случае провинности. К уважаемому гражданину они не применяются.

— Раб, по-твоему, не человек? — возмутился Штык. — А солдат? Словом надо воспитывать. Вон, Дед иной раз так словом пригреет, что и без всякой порки чувствуешь себя последним лохом.

— Это еще вопрос, кому лучше живется — рабу в Империи или свободному на глухой станции. — Чита поморщился оттого что приятель перевел тему.

— Я во вторник, когда с Дедом на Площадь Ленина ходил, познакомился с одним медиком из диггеров, — буркнул Николай. — Он рассказал, как они на поверхности нашли однажды раненого веганца. Его собаки в клочья порвали. Медик утверждал, что физиология веганца очень сильно отличается от человеческой. Когда он его заштопать пытался, растворы всякие вливал, которые любому бы помогли, тот чуть копыта не кинул. Он только тогда этого зеленого на ноги поднял, когда в его снаряге покопался и какие-то незнакомые медикаменты нашел.

— Не врешь? — заинтересовался Чита, пропустивший поход на Площадь из-за дежурства.

— Врет, — ответил Яков, подошедший к блокпосту незаметно для дозорных. — Медик рассказал, что веганец в самом деле поправился благодаря своим лекарствам, а вот физиология у них такая же, как и у нас. Вы чего в темноте сидите?

— Глаза бережем, зеленые шоковой гранатой угостили, — ответил смутившийся Штык.

— Чего? — удивился Волков. — Почему не рассказали про гранату?

— А что поменялось бы? — пожал тот плечами.

— Дружище, а ты, случаем, не из Одессы? — Яков прищурился и внимательно оглядел Николая. — Ты чего вопросом на вопрос отвечаешь?

— А почему вас это интересует? — хохотнул Леонид, недавно прочитавший сборник анекдотов.